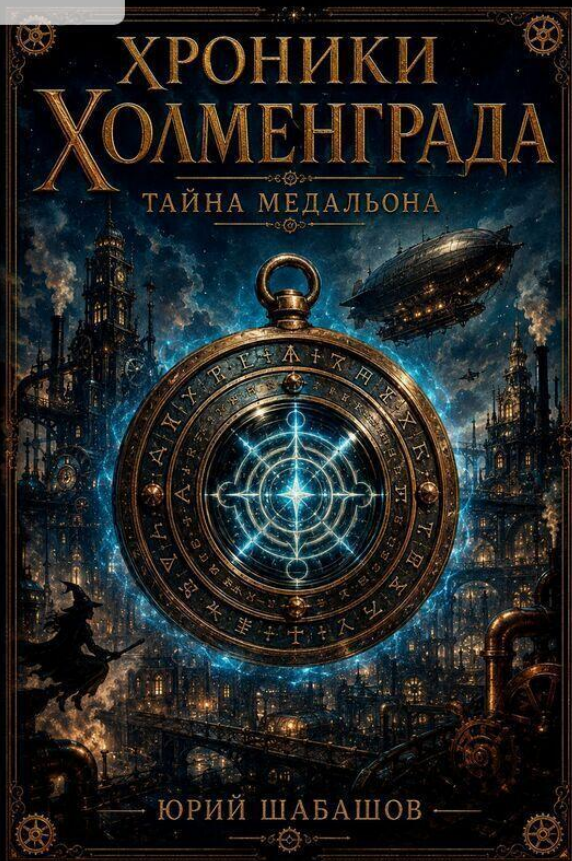

18+

ХРОНИКИ ХОЛМЕНГРАДА

ТАЙНА МЕДАЛЬОНА

— ЮРИЙ ШАБАШОВ —

Юрий Шабашов

Хроники Холменграда.

Тайна медальона

<https://litres.ru/74340314>

ISBN 9785007095228

Аннотация

Семнадцатилетний Матвей получает письмо из Холменградского Техномагического Университета. Покинув родную Долину, он попадает в мир удивительных технологий и древних тайн. Но за величию ХТМ скрываются исчезновения, тайные общества и силы, о которых не должны знать даже маги. А старинный медальон, доставшийся от деда, начинает оживать — и ведёт Матвея к судьбе, способной изменить будущее целой страны. Техника и магия. Дружба и предательство. Выбор, который определит всё.

Содержание

Глава I	5
Глава II	19
Глава III	37
Глава IV	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Хроники Холменграда

Тайна медальона

Юрий Шабашов

© Юрий Шабашов, 2026

ISBN 978-5-0070-9522-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Долина чёрных земель

Долину Чёрных Земель называли так не в честь древней битвы и не в память о старой магии — хотя и того, и другого здесь хватало. Просто почва здесь была чёрной. Чернозём. В Холмогории хватало мест с причудливыми названиями, но это название оказалось на удивление точным.

Утро над долиной приходило медленно, будто мир ещё не решил окончательно — проснуться ему или остаться лежать под тяжёлым серым небом. За далёкими горами клубились густые облака цвета старого олова, а тёмные хвойные леса на склонах казались вырезанными из чёрного стекла. Ночной дождь только недавно ушёл к северу, и земля ещё дышала влажным теплом. Над полями поднимался пар, перемешиваясь с дымом печных труб и тянулся к небу рваными клочьями. Пахло сырой пашней, машинным маслом и молодой картофельной ботвой — так пахло каждое утро в Долине Чёрных Земель.

Посреди одного из полей двигался гигантский механический паук — не чудовище из страшных сказок, а обычная сельскохозяйственная машина, сошедшая с конвейера Холменградского завода. Восемь суставчатых ног с поршневыми приводами и медными трубками гидравлики переступали

по чёрной земле, глубоко вдавливаясь в почву. При каждом шаге поршни выбрасывали облачка пара, и со стороны казалось, что машина дышит — тяжело, как загнанный зверь. Гироскопы, спрятанные в брюхе, держали многотонную тушу в идеальном равновесии: паук шёл ровно, плавно, не заваливаясь даже на рытвинах. Под корпусом вращались рыхлительные диски, позади оставались идеально ровные борозды, и специальные трубки для посева тут же сбрасывали в них семена. На боку машины ещё можно было различить потускневшую надпись: ХМЗ.

Матвей слышал, как на четвёртой ноге подвывает подшипник. Еле заметно — почти на грани слышимости. Но с каждым шагом чуть громче. Чуть резче. Отец не разбирал этих тонкостей: для него машина либо работала, либо нет. А Матвей разбирал. Он слышал механизмы, как другие слышат музыку.

Одна из ног дёрнулась — не плавно, как раньше, а рывком, будто кто-то ударил по ней молотом. Паук качнулся вперёд, а следом послышался звук, который любой фермер узнавал мгновенно: звук очень дорогого ремонта.

Паук остановился. Из корпуса повалил пар.

— Ну всё, — произнёс мужчина у края поля. — Теперь точно всё.

Он стянул защитные очки и устало провёл ладонью по лицу. На щеке осталась полоса машинного масла. Мирон Евсе-

ев был высок, широк в плечах, с руками, которые за сорок шесть лет привыкли к любой работе.

Из-под машины показались сапоги. Потом колени. Потом плечи. На свет выбрался светловолосый парень и сел прямо на мокрую землю.

Матвею Евсееву было семнадцать. Светлые волосы, вечно растрёпанные, лезли в глаза. Закатанные рукава выцветшей рубашки были перепачканы маслом. На подбородке — свежая царапина после утренней битвы с упрямым болтом.

В руке он держал лопнувший шланг. С него капала синяя охлаждающая жидкость.

— Четвёртый цилиндр, — сказал он. — Я говорил.

— Угу.

— Шланг охлаждения лопнул.

— Угу.

— Турбину заклинит.

— Угу.

— Накопитель почти сгорел.

— Угу.

Матвей поднял голову.

— Ты вообще слушаешь?

— Слушаю, — ответил Мирон. — Просто некоторые мысли лучше держать при себе. Особенно те, что касаются этой машины и её ближайших родственников до третьего колена.

Матвей понимающе улыбнулся. Паук выпустил новый клуб пара.

— По-моему, он с тобой согласен.

— Не подлизывайся к нему. Он и так много о себе возомнил.

Они посмотрели друг на друга. Потом на машину. Потом снова друг на друга.

— Полезай, — сказал Мирон.

— Уже.

Матвей нырнул под корпус. Он протянул руку, и с тихим щелчком, прямо над третьей ногой, в обшивке паука открылся инструментальный отсек. Крышка отъехала в сторону на отполированных медных полозьях, — и изнутри, повинуясь щелчку пальцев Мирона, прямо в ладонь Матвею скользнул гаечный ключ. Ключ отделился от гнезда и скользнул Матвею в руку — небрежно, почти машинально, как делают то, что повторяли тысячи раз.

Сам отсек был старым, как и весь паук, но сделанным на совесть. Внутри, в обитых медью гнёздах, лежали инструменты — каждый на своём месте: рожковые ключи, отвёртки с костяными ручками, пинцеты, напильники. Крышка была украшена геометрическим узором из тонких латунных полос, а по краю шла надпись, выгравированная ещё на заводе: «ХМЗ — инструментальный отсек. Не закрывать при работающем двигателе». Мирон называл это «хозяйственным колдовством» и говорил, что настоящий механик должен уметь подозвать ключ, не отвлекаясь от работы.

Послышался звон инструментов. Матвей знал эту машину

до последнего винта — мог разобрать и собрать с закрытыми глазами. Отец говорил, что некоторые люди чувствуют перемену погоды. У Матвея было другое чутьё — он слышал, когда машина вот-вот сломается. Не по звуку даже — по вибрации, по тому, как менялся гул двигателя, как натужно вздыхали поршни. Он мог приложить ладонь к корпусу и сказать: «Подшипник на четвёртой ноге. Ещё дня три, не больше». И ни разу не ошибся.

— Попробую перекинуть потоки через резервный контур!
— крикнул он.

— Поможет?

— Ненадолго!

— Вот теперь верю!

Внутри что-то загудело. Щёлкнуло. Зашипело. Паук сделал шаг. Ещё один.

Матвей вылез наружу и победно улыбнулся.

— Видал?

Машина издала звук, похожий на предсмертный вздох. Накренилась. Подумала — и медленно завалилась набок. Земля вздрогнула.

Матвей посмотрел на результат.

— Ну... я же говорил, что ненадолго.

Мирон молчал три секунды. Потом расхохотался — громко, от души, так что птицы взлетели из посадки. Матвей тоже не удержался.

Иногда оставалось только смеяться. Особенно когда денег

на ремонт не было.

— Всё, — сказал Мирон, вытирая глаза. — Поехали домой.

— Домой? — Матвей поднялся, отряхивая колени.

Мирон ещё раз посмотрел на поверженного паука, вздохнул и сказал:

— Поехали. Там хотя бы ножки стульев не дымят.

Их машина стояла у края поля — старая, тяжёлая, клёпаная. Когда-то тёмно-зелёная, теперь облупившаяся. Спереди угадывалась эмблема: «ВОЛОТ-М».

Матвей забрался в кабину. Дверь захлопнулась с глухим металлическим звуком. Внутри пахло табаком и топливной жидкостью. Мирон повернул рычаг. Двигатель заворчал, закашлял, выпустил облако пара и всё-таки проснулся. Машина покатила по размытой дороге.

За окнами плыли поля, фермы, ржавые водонапорные башни, старые ветряки, накопительные мачты с голубыми кристаллами на вершинах. Вдалеке над холмами двигался грузовой дирижабль — огромный, серебристый.

Матвей проводил его взглядом. С детства он смотрел на дирижабли и думал: там, куда они летят, происходит что-то важное. Что-то, о чём он однажды узнает.

Мирон долго молчал. Матвей понимал — отец собирался завести серьёзный разговор. А их Мирон не любил почти так же сильно, как поломки техники.

— Ты письма отправил? — спросил он наконец.

Матвей повернулся.

— Какие письма?

— Ты понял о чём я.

Матвей усмехнулся.

— Отправил. Почти во все.

Мирон кивнул. Они ехали молча. Потом отец заговорил снова:

— Ты видел только поле, сарай и ржавые машины. А мир большой. Я хочу, чтобы ты посмотрел на него. Не потому, что здесь плохо, а чтобы ты знал, из чего выбирать. Остаться — не хуже. Но только если ты понимаешь, что остаёшься. А не боишься уйти.

— А что, мир за Долиной вообще существует? — Матвей хмыкнул. — Я думал, это всё сказки. Дирижабли эти, Холменград... Может, их просто рисуют на картах, чтобы нам было о чём мечтать.

— Существует, — сказал Мирон. — Я проверял.

Матвей замолчал. Он смотрел на проплывающие за окном поля и думал о том, что всю жизнь хотел увидеть этот мир — тот самый, с карты, с дирижаблями и башнями. Просто никогда не верил, что это возможно.

Дом Евсеевых стоял на невысоком холме. Большой, добротный, с металлической крышей. Из труб поднимался дым. Над крыльцом висел медный фонарь — световой кристалл внутри мерцал даже днём. Даяна говорила, что так дом выглядит приветливее.

На крыше медленно вращался погодный флюгер с встро-
енным воздушным чародейским кристаллом. Когда прибли-
жался дождь, тот начинал светиться голубым. Сейчас кри-
сталл был спокойным и прозрачным.

У входной двери висел старый защитный знак от домовых
духов и мелких пакостников. Даяна не возражала. Она лишь
улыбалась прекрасно понимая, как работает защита.

Машина остановилась. Дверь открылась. На пороге стояла
женщина — невысокая, светловолосая, с быстрыми живыми
глазами. Даяна Евсеева упёрла руки в бока.

— Ну? Кто победил? Вы или паук?

— Пока ничья, — сказал Мирон, вылезая из кабины.

— Значит, паук победил. Я двадцать лет за тобой заму-
жем. Меня не проведёшь.

Матвей рассмеялся, отряхивая брюки.

— А ты чего смеёшься? — повернулась мать.

— Это правда. Паук завалился. Я его добил.

— Хоть кто-то в семье говорит, как есть, — Даяна побед-
но кивнула.

— У нас накопитель сгорел, шланг лопнул, цилиндр...

— Матвей, — перебила она, — я не понимаю твой меха-
нический язык. Дайте мне вас хотя бы накормить.

— Железяки, — проворчал Мирон. — Это высокотехно-
логичное оборудование. Лучшие умы Холмогории проекти-
ровали.

— Которое проиграло тебе со счётом три-один. Лучшие

умы, говоришь?

Мирон открыл рот и закрыл. Спорить с женой он перестал ещё в первый год брака.

Даяна скрылась в доме. Через секунду донёсся её голос:
— Мойте руки! Еда стынет! И не вздумайте за стол в рабочем!

Мирон и Матвей переглянулись.

— Ты слышал?

— Слышал.

— Пошли. Надеюсь, это отмоеся. — Сказал Мирон, показывая на пятно.

В доме пахло тушёными овощами, свежим хлебом, мятой и горячим супом — густым, наваристым, с крупными кусками картофеля и моркови. Над плитой сама собой медленно помешивалась деревянная ложка с выжженной ведьминой руной на ручке. На стене тихо тикали часы, которые никогда не требовали завода, а под потолком плавал небольшой световой шар размером с яблоко.

Даяна собирала травы для супа на дальних холмах. Она говорила, что хороший суп — это не еда, а лекарство от всех проблем. Матвей был согласен.

Он сел за стол, взял ложку — и в прихожей раздался резкий металлический свист.

Все замерли.

ТУК. Что-то ударилось о приёмный клапан пневмопочты.

— Кто бы это мог быть? — нахмурилась Даяна.

Мирон пожал плечами. Матвей подошёл к медной трубе, открыл клапан. Внутри лежал серый цилиндр с государственной печатью. Молот. Шестерня. Расходящиеся лучи. У Матвея пересохло во рту.

— Что там? — тихо спросила мать.

Он развернул бумагу. Пробежал глазами. Лицо изменилось.

— Ну же! — не выдержал Мирон.

Матвей сглотнул.

— *«Верховный совет Холмогории. Министерство Науки и Просвещения. Уважаемый Матвей Миронович Евсеев. По результатам вступительных испытаний, а также на основании рекомендаций региональной комиссии, Вы зачислены в Холменградский Техномагический Университет на Инженерно-техномагический факультет. Начало обучения — первый день девятого месяца.*

Помните: тот, кто познаёт законы мира, становится его создателем. Канцелярия ХТМ».

В кухне стало тихо. Слышно было, как потрескивает камин.

Даяна закрыла лицо руками.

— ХТМ... — прошептала она. — Как твой дедушка Генрих. Он ведь тоже там учился.

Мирон опустился на стул и улыбнулся — тихо, устало.

— ХТМ... Вот это да.

Матвей всё ещё смотрел на письмо.

— Я правда поступил?

— Нет, — серьёзно сказал Мирон. — Государственная ошибка. Завтра приедут и всё заберут обратно.

Даяна шикнула. Матвей улыбнулся, но тут же снова стал серьёзным.

— Я не могу уехать. А хозяйство? А поле? А вы?

Мирон положил руку сыну на плечо.

— Я не могу тебе сказать, что делать, — произнёс Мирон.

— Я никогда этого не умел. Твоя мать — она знает. Она всегда знает, что правильно. А я просто работал. Чинил машины. Падал и вставал. И думал: вот это — жизнь. Поле. Дом. Семья. И этого правда достаточно. Для меня — достаточно.

Он помолчал. Матвей не перебивал.

— Но я не знаю, достаточно ли этого для тебя. Понимаешь? Я вот попробовал — уехал, поступил, пожил в городе. И вернулся, потому что понял: моё — здесь. А ты ещё не пробовал. Ты не знаешь, какая она — твоя жизнь. Может, здесь. Может, там. Но узнать можно только одним способом.

Матвей смотрел на свои руки. На пальцах ещё оставались следы машинного масла. Руки, которые знали каждый болт старого паука.

— Ты всю жизнь проживёшь здесь — и это будет хорошая жизнь, — продолжал Мирон. — Никто не скажет, что ты что-то упустил. Никто не посмеет. Кроме тебя самого. Если однажды ты оглянешься и спросишь: «А что там, за холмами?» — и не сможешь ответить. Вот этого я боюсь. Не за ферму.

Не за хозяйство. За тебя.

За окном темнело. Где-то далеко, у самого горизонта, мерцали огни фабрик. Матвей смотрел на них и пытался представить себе город — по картинкам, по рассказам, настоящий. С шумом. С чужими людьми. С башнями Холменградского университета, уходящими в небо. Он никогда не думал, что это может иметь к нему отношение. А теперь — имело.

— Я даже не знаю, — сказал он тихо.

— Понимаю, — ответил Мирон. — Но ты должен попробовать себя. А если не твоё — возвращайся. Здесь всегда будет твой дом. Родные поля. Твой паук, который к тому времени, наверное, окончательно развалится.

Матвей невольно улыбнулся. Отец улыбнулся в ответ — устало, но тепло.

— Не развалится, — сказал Матвей. — Я его починю. Перед отъездом.

— Вот это я и хотел услышать, — кивнул Мирон.

Позже, когда Даяна убирала со стола, а Матвей стоял у окна, глядя на темнеющие поля, Мирон вдруг вышел из комнаты и вернулся с небольшим предметом в руках.

— Держи, — сказал он.

Это была старая шкатулка — деревянная, с медными уголками и выжженным на крышке символом: спираль в треугольнике. Мирон достал её из чулана, где она пролежала много лет, задвинутая за старые книги и коробки с инстру-

ментами. Он сам не вспоминал о ней до сегодняшнего дня.

Матвей взял шкатулку в руки. Дерево было сухим, а символ на крышке — чуть теплее дерева вокруг.

— Что это? — спросил он.

— Открой, — сказал Мирон. — Он твой.

Матвей поднял крышку. Внутри, на тёмном бархате, лежал медальон — крупный, с ладонь, из потемневшего металла. На лицевой стороне — круглая линза из матового стекла, а по краю — три тонких кольца с выгравированными символами. Ни цепочки, ни ушка для неё — только сам медальон, тяжёлый и явно не предназначенный для измерения времени или чего-либо ещё. Металл был старым — не ржавым, не битым, а именно старым. Казалось, он десятилетиями лежал рядом с работающим реактором и впитал в себя свет.

Матвей взял медальон в руку — и в тот же миг, голубоватый свет пробежал по гравировкам, и серебристые линии под стеклом задвигались, как живые. Матвей почувствовал тепло — глубинное, идущее не от металла, а откуда-то изнутри. Будто медальон узнал его.

— Это деда твоего, — сказал Мирон. — Генриха Дорского. Он просил передать тебе. В одну из последних встреч. Он приехал — единственный раз за много лет. Посмотрел на твою мать, на меня — и сказал: «Когда придёт время, передай это моему внуку. Не раньше. И никому больше». Я спросил — как я пойму, что время пришло? А он только усмехнулся и сказал: «Поймёшь».

Мирон помолчал, глядя на светящийся медальон.

— И ведь не соврал.

Матвей провёл пальцем по внутреннему кольцу и нащупал три буквы, почти стёртые, но ещё различимые: Г, М, Д. Он не знал, что они означают. Но медальон в его руке был тёплым, живым — и это было единственное, что сейчас казалось правильным.

— Я не знаю, что это, — сказал Мирон. — Но будь осторожен. Генрих был очень важным человеком в Холмогории. И если он просил передать это тайком — значит, была причина. Он ничего не делал просто так.

Матвей кивнул и убрал медальон в карман. Тот приятно грел даже сквозь ткань. Живой.

Даяна подошла сзади и обняла сына за плечи.

— Как бы там ни было, ты справишься.

— У меня есть выбор?

— Нет. — Она улыбнулась.

За окном темнело. Где-то далеко за холмами, за полями, за дымами фабрик зажигались огни огромного города, которые Матвею ещё предстояло увидеть. Впереди был Холменград. Впереди была новая жизнь.

Глава II

Дорога в Холменград

Последнее утро Матвея в Долине Чёрных Земель началось с того, что он не мог закрыть старый отцовский чемодан. Тяжёлый, клёпанный, с медными уголками и ремнями, которые никогда не застёгивались с первого раза. Матвей провозился с ним четверть часа, прежде чем понял, что дело не в замке, а в том, что он никогда раньше не собирал вещи в дорогу. Всё лежало кое-как — он вытащил половину, оглядел комнату, вздохнул и начал заново.

Одежды было мало. Две рубашки, старые брюки, свитер грубой вязки — тёплый, но далеко не новый. Он сложил всё это стопкой и вдруг подумал: как он будет выглядеть среди столичных студентов? Они, наверное, придут в отглаженных манжетах и начищенных ботинках. А он — в том, что есть. С мозолями на ладонях и въевшейся смазкой, которую не отмыть никаким мылом.

Он отогнал эту мысль. В конце концов он едет учиться, а не себя показывать. Но где-то глубоко внутри она осталась — тихая, неприятная, как камешек в ботинке.

«Царство Матвея» — так в шутку называла эту комнату мать. Сейчас оно выглядело странно опустевшим, будто отсюда уже уехали. Чертежи на столе лежали неровной стоп-

кой. Стекланные колбы и медные пружины, которые он собирал годами, оставались на своих местах — он не взял почти ничего. Пару книг и старую карту Холмогории, которую он сворачивал и разворачивал столько раз, что она уже расползалась на сгибах.

Холменград находился далеко на северо-западе. Дальше, чем он когда-либо ездил. Дальше, чем вообще можно было представить, сидя в своей комнате. Мальчишкой он смотрел на карту и думал, что такие расстояния существуют только в учебниках. Но теперь эта точка на карте должна была стать реальностью — уже сегодня.

Он отправил письма несколько месяцев назад. Во все университеты, какие смог найти в справочнике. ХТМ был в этом списке первым — но Матвей не верил, что ответят именно оттуда. Слишком большой. Слишком престижный. Не для таких, как он. Он писал эти письма не потому, что надеялся, а потому, что не мог не попробовать. Так человек, проходя мимо закрытой двери, дёргает ручку — просто чтобы убедиться, что она заперта.

Она оказалась открыта.

Письмо пришло в начале месяца. Тяжёлое, с гербовой печатью — молот, шестерня, расходящиеся лучи. Матвей прочитал его трижды, прежде чем понял: это не ошибка. Его правда зовут. Туда. В Холменград.

И теперь, стоя над полупустым чемоданом, он пытался осознать, что его жизнь вот-вот изменится. Не завтра. Не ко-

гда-нибудь. Сегодня.

Он машинально коснулся кармана. Медальон был там — тёплый, молчаливый. За последние дни Матвей привык к этому теплу, как привыкают к присутствию другого человека в комнате. Дедова вещь. Дедова загадка. Он до сих пор не знал, что с ней делать. Но отец сказал: «Пригодится». И Матвей решил пока просто верить.

За окном послышался знакомый рокот. «Волот-М» уже прогревал двигатель.

Через час они уже ехали к станции.

Небо затянуло серыми облаками, между холмами продувал холодный ветер, намекая на приближающуюся осень. На заднем сиденье лежал чемодан — большой, потёртый, но наполовину пустой. Матвей сидел у окна в длинном тёмном плаще и всё время смотрел вперёд, будто боялся обернуться назад.

Дорога была знакомой до каждого поворота. Вот старая мельница, где они с отцом прошлой весной меняли ремень на приводе. Вот поле, где два года назад паук завалился в канаву и его вытаскивали всей деревней. Вот холм, с которого мальчишкой он впервые увидел дирижабль и спросил у отца: «А куда он летит?»

Скоро он узнает.

Станция оказалась совсем маленькой. Одинокая платформа. Низкое кирпичное здание. Старые часы над кассой, остановившиеся на без пятнадцати двенадцать. И почти ни-

кого вокруг.

Только потрепанный мужчина в длинном шарфе сидел на скамейке возле фонаря с бутылкой в руке. Он лениво посмотрел на подъехавшую машину.

— Ха! А вы чего тут забыли? Поезда по этой ветке почти не ходят.

Мирон вышел из машины и кивнул в сторону сына:

— Мой сын едет в Холменград. Поступил в ХТМ.

Мужчина несколько секунд молчал. Потом вдруг выпрямился и посмотрел на Матвея совсем иначе — с уважением, смешанным с недоверием.

— В Ха-Тэ-Эм?.. Ну тогда... поздравляю.

И совершенно серьёзно протянул руку. Матвей пожал её — ладонь у мужчины оказалась сухой и жёсткой, как наждачная бумага.

— Спасибо.

В этот момент где-то вдали раздался низкий механический гул. Рельсы начали дрожать. Из тумана медленно появился поезд — точнее, один-единственный вагон. Тяжёлый, тёмно-зелёный, с медными полосами вдоль корпуса и огромными колёсами, окутанными паром.

Поезд остановился с глубоким шипением. Дверь открылась. На платформу вышла проводница в длинной серой форме.

— Стоянка пять минут! Не более!

Даяна вдруг схватила Матвея за руку — так крепко, будто

отпускать уже было нельзя.

— Ты будешь писать?

— Конечно.

— И не забудешь нас?

Матвей нервно улыбнулся:

— Мам...

Но она уже смотрела на него влажными глазами.

— Неужели это теперь навсегда?..

Слова прозвучали так тихо, что ветер почти унёс их. Мирон шагнул вперёд, будто хотел что-то сказать. Остановился. Сжал плечо Матвея — не хлопнул, а именно сжал, сильно, до боли. И тут же отпустил.

— Езжай.

Он сказал это так тихо, что Матвей прочитал слово по губам.

Проводница снова объявила:

— Осталась одна минута!

Матвей обнял мать. Быстро. Крепко. Потом посмотрел на отца. Мирон коротко кивнул — всё, разговор окончен.

И тогда Матвей поднялся в вагон.

Купе оказалось неожиданно уютным. Тёмное дерево. Мягкие лампы. Медные крючки для одежды. Тихое постукивание колёс.

И здесь уже сидел человек.

Матвей заметил его не сразу — тот расположился у окна, закинув ногу на ногу, и читал книгу в потёртом переплё-

те. На вид около сорока, но с той особой лёгкостью в движениях, которая бывает у людей, привыкших к долгой дороге и непредсказуемым обстоятельствам. Длинный дорожный плащ, очевидно повидавший много, но хорошего кроя. Высокий воротник. Перчатки из тонкой кожи, на которых не было ни единой потёртости — что странно контрастировало с остальным обликом. В руке — трость с металлической рукоятью, в которую был вмонтирован крошечный манометр. Держался он с той чуть насмешливой уверенностью, которая появляется у людей, много повидавших и переставших волноваться по пустякам.

Название книги Матвей не разглядел — но обложка была старой, с вытесненным символом. Что-то в этом символе показалось ему знакомым — но он не мог вспомнить, где именно видел его раньше. Может, в старых учебниках отца. Может, на одном из чертежей. А может — и эта мысль пришла внезапно и без приглашения — на дедовом медальоне.

— Добрый день, — сказал человек, не отрываясь от чтения. — А я уж думал, так и поеду один.

— Вы тоже до Холменграда? — спросил Матвей.

— До него самого. — Человек наконец отложил книгу и поднял глаза. Взгляд у него был цепкий, но не неприятный — такой, будто он только что вычислил о вас что-то интересное и теперь раздумывал, сказать или нет. — Маркус Овриел. Исследователь магических артефактов.

— Матвей Евсеев.

— Студент?

— Да. ХТМ.

Маркус улыбнулся.

— Узнаю этот взгляд. Смесь ужаса и восторга. Первый курс?

— Первый.

— Тогда, возможно, я смогу быть вам полезен. — Маркус достал из внутреннего кармана небольшую карточку. На плотной бумаге серебряными буквами было написано: «Маркус Овриел. Исследователь магических артефактов. Холменград» — и ниже адрес с номером пневмолинии. — Если вам понадобится какая-либо помощь, не стеснитесь — обращайтесь.

Матвей взял карточку. Она была плотной на ощупь и слегка светилась по краям — едва заметным голубоватым светом.

И тут он заметил кулон.

Он висел на шее Маркуса поверх рубашки — небольшой, размером с фалангу пальца, из тёмного металла с вкраплениями чего-то похожего на стекло. Внутри медленно пульсировал синий огонёк — ровный, спокойный, как дыхание спящего.

— Что это? — спросил Матвей, кивнув на кулон.

— Это? — Маркус опустил взгляд, будто забыл, что кулон висит на виду. — Старая вещь. Называется кулоном судьбы. Когда всё идёт как положено, он светится синим. А когда я

иду против судьбы — красным.

Матвей усмехнулся, но где-то внутри шевельнулось сомнение. Слишком спокойно этот человек говорил о судьбе. Слишком уверенно.

— Развод для туристов?

Маркус не обиделся. Он посмотрел на Матвея с лёгким прищуром, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство — как у человека, который только что заметил нечто интересное.

— Я бы не спешил с выводами, юноша. Вам ещё многое предстоит узнать. О мире. О себе. О том, как устроены вещи, которые кажутся простыми. — Он помолчал. — Иногда самые странные предметы оказываются самыми правдивыми. А самые очевидные вещи — самым большим обманом.

— И часто он загорается красным?

— К счастью, редко. — Маркус чуть улыбнулся. — Но когда загорается, я обычно жалею, что не послушал его раньше.

Матвей хотел спросить ещё что-то, но поезд начал набирать скорость. За окном поплыли станционные постройки, потом поля — и он на некоторое время замолчал.

День был в разгаре, когда в дверь купе постучали — не человеческой рукой, а чем-то металлическим. Дверь отъехала в сторону, и в проёме показался робот.

Он был примитивным — явно старым, собранным ещё в те времена, когда механизмы делали на совесть, но без изыска. Медный корпус, покрытый вмятинами и царапина-

ми. Голова — квадратная, с двумя линзами-глазами разного размера. Одна рука длиннее другой, и та, что короче, заметно дёргалась при движении. На боку — латунная табличка с выгравированной надписью: «Обслуживающий автомат. Модель 4. Не кантовать».

— Чай? — произнёс он скрипучим голосом.

— Да, пожалуйста, мне и моему соседу по купе, — ответил Маркус, не поднимая головы от книги.

Робот вкатился в купе на гусеничном ходу. На его груди, под квадратной головой, с тихим жужжанием открылась небольшая дверца. Изнутри, как в автомате, выдвинулись два чистых стакана в подстаканниках — тонких, с витыми ручками.

Сначала он налил заварку — густую, тёмную, ароматную. Она полилась из тонкого носика, скрытого в корпусе, и заполнила стаканы на треть. Потом, с едва слышным шипением, из другого отверстия пошёл кипяток — ровной, парящей струёй. Вода смешалась с заваркой, и купе наполнилось запахом бергамота и ещё чего-то знакомого — кажется, корицы.

Затем робот взял стаканы в свои короткие руки — по одному в каждую. Руки дрожали мелкой, непрерывной дрожью. Матвей невольно напрягся, ожидая, что горячий чай вот-вот плеснёт через край. Маркус, не поднимая головы от книги, чуть отодвинулся к окну.

Но робот, как опытный канатоходец, удерживал равновесие. Он осторожно, одну за другой, поставил чай на откид-

ной столик — и ни капли не пролил. Затем аккуратно, один за другим, положил на блюде два кубика сахара. Клешня, которой он их брал, была отполирована до блеска — видно, сахар он подавал часто.

— Спасибо, — сказал Матвей.

Робот кивнул квадратной головой и выкатился в коридор, оставив после себя запах чая и лёгкий аромат машинного масла.

— Четвёртая модель, — заметил Маркус, отхлёбывая чай. — Их выпускали ещё до войны. Надёжные, как паровоз. И такие же элегантные.

Матвей сделал глоток. Чай был действительно хорош — горячий, пряный, совсем не похожий на тот, что он пил ранее. Тот был проще. Этот — сложнее, многограннее. Как и всё, что ждало его впереди.

В коридоре вагона, из медного автомата на стене выскользнула свежая газета. Матвей взял её. «Холменградский вестник» — значилось на плотной бумаге. Он пробежал глазами по заголовкам.

— «Верховный совет обсуждает новые ограничения магии», — прочитал он вслух. — «Забастовка на Северных верфях». «В ХТМ ожидают рекордный набор первокурсников». — Он поднял глаза. — Про нас тоже пишут.

— Про вас всегда пишут, — отозвался Маркус. — ХТМ — это не просто университет. Это витрина.

Матвей продолжил читать. Его взгляд остановился на за-

метке в нижней части страницы.

— «Лазар Чернов отстранён от должности главы Комиссии по магическому наследию», — зачитал он. — «Причина — подозрения в превышении полномочий и незаконном хранении артефактов». Кто это?

Матвей отложил газету. За окном проплывали поля — бесконечные, уходящие к горизонту, кое-где тронутые первыми признаками осени. Он думал о том, что мир, в который он едет, сильно будет отличаться от Долины Чёрных Земель.

— А какие места в Холменграде стоит посетить? — спросил он. — Ну, кроме ХТМ.

Маркус оживился.

— Смотря что тебе интересно. Если музеи — то Музей магических древностей на набережной. Там хранятся артефакты, которых больше нигде нет. Если рынки — то Северный рынок, он же Верхний. Там продают всё, от заводных игрушек до настоящих магических приборов. Но будь осторожен: на Верхнем рынке легко нарваться на подделку.

— А куда не стоит ходить?

— В Старый город. Особенно ночью. Особенно в районе Старой Пристани. Там есть места, куда даже городская стража заходит только группами.

Матвей запомнил. Он не знал, почему, но эти названия засели в голове. Может что-то однажды пригодится.

За окном тем временем пейзаж менялся. Поля уступили место перелескам, перелески — холмам, покрытым ред-

ким кустарником. Поезд начал забираться выше, и воздух за стеклом стал холоднее.

К вечеру поезд выехал на открытое пространство. Лес кончился внезапно, оборвавшись скалистым обрывом, и внизу, насколько хватало глаз, раскинулась каменистая равнина — серая, скупая, кое-где тронутая жёстким кустарником. Далеко впереди, у самого горизонта, небо подпирали тёмные силуэты гор.

А потом поезд начал замедляться. За окном снова сгустился туман — не лесной, а плотный, подсвеченный изнутри холодным светом. Где-то впереди раздался низкий механический гул.

— А вот и стыковка, — сказал Маркус, откладывая книгу. — Советую посмотреть. Такое не каждый день увидишь. Матвей прижался к стеклу.

Их поезд шёл по своему пути — одинокий вагон, мерно постукивающий колёсами. Но справа, параллельно, из тумана выступил другой состав. Длинный, тяжёлый, с множеством вагонов. Он шёл рядом, точно с той же скоростью, и между ними было не больше двух метров.

А потом произошло то, чего Матвей никогда не видел. Состав справа начал расходиться. Не разрываться — именно расходиться: два вагона в его середине, словно по команде, отцепились друг от друга и плавно разъехались в стороны, открывая просвет. Туда, в этот просвет, и устремился их вагон. Он качнулся, ускорился и скользнул в открывшее-

ся пространство — точно в середину чужого состава. Лязгнули сцепки, вагон дёрнулся и замер — теперь уже частью длинного поезда.

Туман рассеялся. Впереди убегали вдаль огни чужих вагонов, позади зажигались новые.

— Впечатляет, — сказал Матвей.

— Ещё бы, — кивнул Маркус.

Ночь в поезде прошла спокойно. Матвей задремал под мерный стук колёс, а когда проснулся, за окном уже серело. Маркус сидел на прежнем месте — казалось, он не спал вообще, только книгу сменил на другую, такую же старую.

— Скоро приедем, — сказал он, заметив, что Матвей открыл глаза.

Поезд начал замедляться. За окном проплыли первые городские постройки. Чем дальше, тем выше они становились, теснее жались друг к другу, и вскоре за стеклом уже не было ни клочка свободного места — только стены, мосты, переходы, перекинутые между домами на разных уровнях. По этим мостам двигались люди — крошечные фигурки в длинных пальто, сюртуках и шляпах с узкими полями. Женщины в плащах с высокими воротниками, мужчины с портфелями и тростями, студенты с папками для чертежей — все они куда-то спешили, не глядя по сторонам, как будто каждый из них был частью огромного механизма.

— Холменград, — произнёс Маркус, выглянув в окно. — Чувствуете? Воздух здесь другой. Будто сам город дышит.

Поезд нырнул под арку старого моста, и на секунду стало темно, а когда свет вернулся, Матвей увидел первое магическое табло — огромный медный экран на стене дома, по которому бежали светящиеся строки: «СЕВЕРНЫЕ ВЕРФИ — НАБОР РАБОЧИХ», «МИНИСТЕРСТВО МАГИИ — ОГРАНИЧЕНИЯ С 1-ГО ЧИСЛА», «СТОЛИЧНЫЙ ТЕАТР — ПРЕМЬЕРА „ЗВЕЗДЫ НАД ХОЛМАМИ“». Город говорил с теми, кто в него въезжал, ещё до того, как они ступили на платформу.

А потом поезд въехал в вокзал.

Центральный вокзал Холменграда был не просто зданием — это был город в городе. Огромный сводчатый потолок из стекла и стали уходил вверх на десятки метров, и сквозь него лился холодный утренний свет. Под потолком, по медным рельсам, скользили механические платформы с багажом — беззвучно, как призраки. На платформах кипела жизнь: сотни людей спешили кто к поездам, кто к выходам, кто просто стоял, задрав голову и разглядывая табло с расписанием. Паровые свистки смешивались с гулом голосов, лязгом сцепок и отдалённым рокотом городского транспорта. Пахло углём, горячим металлом, свежей выпечкой из вокзальной булочной и ещё чем-то — может быть, озоном от магических контуров, оплетающих колонны.

Проводница в серой форме прошла мимо купе и заглянула внутрь.

— Прибываем. Не забудьте вещи.

Матвей подхватил чемодан. Маркус поднялся, опираясь на трость, и поправил воротник плаща.

— Дальше вам без меня, — сказал он. — был рад с вами познакомиться!

— Спасибо за компанию, — сказал Матвей.

— Не за что. — Маркус чуть улыбнулся. — Я уверен, мы ещё увидимся.

Он вышел в коридор. Робот-официант посторонился, пропуская его, и проводил квадратной головой. Проводница, стоявшая у выхода, кивнула Матвею.

— Первый раз в Холменграде?

— Да.

— Тогда удачи.

Поезд остановился. Дверь открылась.

Матвей вышел на платформу, прижимая к себе чемодан, и замер.

Он никогда в жизни не видел столько людей одновременно. В его деревне за целый день можно было встретить от силы три десятка человек — и все они были знакомы. Здесь же люди текли сплошной рекой, и каждый был чужим. Они не смотрели друг на друга. Не здоровались. Просто шли — быстро, целенаправленно.

И всё же — он был здесь. Стоял на платформе Холменграда, самого большого города мира. Он сам отправил письмо. Сам собрал чемодан. Сам шагнул в вагон. И теперь, глядя на эту бесконечную реку людей, он чувствовал не только страх.

Он чувствовал, как внутри, глубже страха, разгорается что-то другое. Предвкушение. Любопытство. Ощущение, что он стоит на пороге чего-то огромного — и это огромное уже не просто картинка на карте. Оно настоящее. И оно ждёт его.

Он двинулся к выходу. Мимо проехала механическая тележка с багажом — без кучера, управляемая вращающимся медным диском на передней панели. За ней — женщина в длинном плаще, на ходу читавшая газету. За ней — двое военных с жезлами на поясах.

У выхода с вокзала стояла справочная — высокая медная будка с вращающимися шестерёнками. Какой-то студент что-то спрашивал у автомата, и тот отвечал скрипучим металлическим голосом, выбрасывая из щели бумажную ленту.

Матвей вышел на привокзальную площадь. Ряды паровых экипажей выстроились вдоль тротуара, выпуская облачка пара. Извозчики перекрикивались, зазывая пассажиров. По мостовой проехал трамвай с паровым двигателем, а на крыше вращалась турбина. Над площадью проплыл пассажирский дирижабль с рядами освещённых окон и выцветшей надписью на боку: «ХОЛМЕНГРАД — СЕВЕРНЫЕ ПРИЧАЛЫ».

На платформе, когда толпа немного рассосалась, Матвей оглянулся в поисках Маркуса. Тот стоял чуть поодаль, опираясь на трость, и смотрел на город — не так, как смотрят приезжие, а так, как смотрят те, кто возвращается домой. Он заметил взгляд Матвея и кивнул — коротко, как старому

знакомому.

— Если что — вы знаете, где меня найти.

— Знаю, — ответил Матвей.

Маркус ещё раз кивнул и растворился в толпе. Кулон на его шее всё так же светился синим.

Кто-то толкнул Матвея в плечо.

— Эй, парень, проходи, не стой!

Он машинально шагнул вперёд и чуть не попал под колёса парового велосипеда. Курьер выругался и умчался дальше.

Матвей прижался спиной к фонарному столбу и попытался выдохнуть. Всё было слишком громким и быстрым. И чужим.

Мимо прошёл газетчик, выкрикивая утренний выпуск:

— «**ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ УТВЕРЖДАЕТ НОВЫЕ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В МАГИИ**»! Свежий номер!

Матвей смотрел на город, и город, казалось, смотрел на него в ответ — тысячами окон, огней, антенн.

Вдруг он почувствовал странную вибрацию. Как будто воздух вокруг него на секунду сгустился. Медальон в кармане подал признак жизни — беззвучный, но отчётливый.

На соседней улице что-то вспыхнуло — короткая голубая искра. Потом ещё одна. Матвей повернул голову и увидел, как на стене ближайшего здания на мгновение проступили тонкие светящиеся линии — магический контур, проходящий сквозь кладку.

Линии погасли.

Никто вокруг ничего не заметил.

Матвей стоял неподвижно, чувствуя, как колотится сердце. Он не знал, что это было. Но одно знал точно: Холменград знал, что он здесь.

И ждал его.

Глава III

ХТМ

Матвей остановился на привокзальной площади. Ряды автомобильных экипажей выстроились вдоль тротуара, извозчики перекрикивались, зазывая пассажиров. Один из них — толстый мужчина в кожаном шофёрском пальто и кепке с треснутым козырьком — заметил растерянного парня с чемоданом и махнул рукой в сторону своей машины. Это была старая, ржавая развалюха жёлтого цвета, с помятым крылом и трубой, из которой вырывался неровный, чихающий пар. Выглядела она так, будто вот-вот развалится.

Матвей покачал головой и отвернулся. Даже если бы у него были деньги на такси — а их не было, — он бы не сел в эту колымагу. Она напоминала ему старый паук-сеятель в особенно плохой день.

Извозчик тут же переключился на другого пассажира — высокого мужчину в сером пальто. Матвей подхватил чемодан и направился к трамвайной остановке — медной табличке на столбе. Трамвай был дешевле. И надёжнее. И, кажется, на нём ехали такие же, как он, — студенты с чемоданами, рабочие в комбинезонах, женщины с корзинами. С ними было спокойнее.

Трамвай, дребезжа и поскрипывая, подкатил к останов-

ке ровно через четыре минуты — в Холменграде транспорт ходил на удивление точно, что было одной из немногих вещей, которыми город мог похвастаться без оговорок. Матвей втиснулся внутрь, прижимая чемодан к груди, и сразу почувствовал себя частью какого-то огромного, шумного механизма. Двери сомкнулись, и трамвай, качнувшись, покати по рельсам.

Дорога от вокзала до университета заняла около часа. Трамвай был переполнен. Вагон был старым, с медными поручнями, отполированными тысячами ладоней, и деревянными сиденьями, на которых остались мини трещины от чьих-то тяжёлых саквояжей.

Кондуктор — пожилой мужчина с механическим свистком на цепочке — прошёл по салону, выкрикивая остановки. Свисток издавал не свист, а мелодичный звон, похожий на удар по маленькому колокольчику.

— Северные ворота! Следующая — Старый мост!

За окнами проплывал Холменград. Не тот, что Матвей видел с платформы, — не парадный, не те, что на открытках, а настоящий, живой. Узкие улочки сменялись широкими проспектами, проспекты — мостами, перекинутыми через мутные воды городского канала. По каналу скользили грузовые баржи с паровыми двигателями, и их трубы выбрасывали в небо клубы серого дыма.

На одном из мостов, прямо под колёсами трамвая, раскинулся маленький рынок. Старуха в тёмном платке торговала

с лотка магическими кристаллами — они мерцали в утреннем свете, как горсть драгоценных камней. Рядом с ней молодой парень в рабочем комбинезоне разложил на брезенте медные шестерёнки всех размеров. Кто-то спорил о цене, кто-то смеялся, кто-то просто сидел на парапете и курил, пуская дым в холодное небо.

Трамвай свернул на широкий проспект, и Матвей увидел вывеску — огромную, во всю стену дома: «Артефакты и ремонт. Скупка старых вещей. Лицензия №347». Буквы светились голубоватым светом, и от них по кирпичной кладке разбегались тонкие магические линии. На другой стороне проспекта взмывала вверх заводская труба — из неё валил густой чёрный дым, и ветер относил его в сторону реки.

— Университетская площадь! — объявил кондуктор. — Кому ХТМ — выходим!

Трамвай остановился. Матвей выбрался наружу, поправил чемодан и замер.

Перед ним, в конце широкой площади, вымощенной серым камнем, возвышалась гигантская статуя. Человек с поднятой рукой, с лицом, на котором застыло выражение суровой решимости. На постаменте была выбита цитата: «Знание доступно всем!». Матвей не знал, кто это, но что-то в лице статуи показалось ему смутно знакомым.

А за статуей, за площадью, за высокими коваными воротами, поднимались башни ХТМ.

Когда Матвей увидел университет целиком, ему показа-

лось, что это не одно здание, а отдельный город, случайно выросший внутри Холменграда. Башни поднимались над столицей, как огромные каменные маяки. Между ними тянулись стеклянные переходы и металлические мосты, по которым непрерывно двигались люди — студенты, преподаватели, какие-то люди в форменных мундирах с портфелями. Высокие окна сияли отражённым светом, а вдоль стен проходили медные трубы, внутри которых переливались голубые потоки энергии. Где-то наверху, над самой высокой башней, вращались три огромных энергетических кольца, издавая низкий, утробный гул.

Над главными воротами золотыми буквами было выбито: «Материя подчиняется тем, кто способен её понять.»

Матвей остановился перед воротами и несколько секунд просто смотрел вверх. Он вдруг остро ощутил, что стоит на границе. Позади — Долина Чёрных Земель, ферма. Впереди — всё остальное. Вся его будущая жизнь. И между этими двумя мирами — только он, потёртый чемодан и медальон в кармане.

Он думал о том, сколько людей прошло через эти ворота до него. Его дед тоже стоял здесь когда-то. Интересно, что он чувствовал? Страх? Гордость? Предвкушение? Матвей пока не знал, что чувствует сам. Всё смешалось: восторг перед величием этого места и тихая, неприятная мысль, что он здесь чужой.

Он поправил чемодан и шагнул вперёд.

Внутренний двор ХТМ встретил шумом и хаотичным движением. Мимо проходили студенты: с чемоданами, кипами книг, механическими саквояжами, клетками с домашними животными, свитками, чертёжными тубусами. Кто-то смеялся. Кто-то спорил на ходу о распределении энергетических потоков. Кто-то уже выглядел так, будто не спал трое суток. Один саквояж, проезжая мимо на собственных колёсиках, что-то печатал на маленькой пишущей машинке, вмонтированной в крышку.

В центре двора находился старый фонтан. Он не работал — чаша была пуста, а каменная фигура в центре (какой-то маг с жезлом) позеленела от времени. Вокруг фонтана, на широком каменном бортике, сидели студенты: кто-то читал, кто-то ел, кто-то просто грелся на скупом осеннем солнце.

Рядом с фонтаном возвышалась доска объявлений — огромный деревянный щит, на котором висели приказы, расписания и какие-то пожелтевшие листовки. Матвей скользнул по ним взглядом и заметил один, выделявшийся красной печатью: «ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ВСЕХ МАГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ДО КОНЦА ПЕРВОГО МЕСЯЦА ОБУЧЕНИЯ». Он отвёл глаза и пошёл дальше.

Он шагнул вперёд — и тут же чуть не упал: худой парень в длинном зелёном пальто врезался в него на полном ходу, выронив из рук потрёпанный саквояж. Саквояж раскрылся, и по брусчатке рассыпались какие-то шестерёнки.

— Ой! Прости! — парень рухнул на колени, собирая де-

тали. — Все идут куда им вздумается, и никто не смотрит по сторонам!

Матвей присел помочь. Шестерёнки были маленькие, латунные — явно от какого-то точного механизма.

— Ты первокурсник? — спросил парень, поправляя круглые очки. Одно стекло было треснуто в уголке, и Матвей заметил, что трещина старая — не от сегодняшнего падения.

— Да.

— Я тоже! Глеб Гульван!

Он протянул руку так энергично, будто собирался немедленно начать дружить со всеми людьми на планете. У него были тонкие, длинные пальцы — пальцы пианиста или чертёжника, — но ногти обкусаны почти до мяса.

Матвей пожал руку.

— Матвей Евсеев.

— Ну что, — Глеб огляделся с восторгом, запихивая последнюю шестерёнку обратно в саквояж, — это же невероятно, а?

Матвей невольно улыбнулся. Энергия Глеба была заразной.

— Тут... всё такое огромное.

— Огромное?! — Глеб всплеснул руками. — Да тут можно всю жизнь прожить и не выйти наружу! — Он осёкся, и на секунду в его глазах мелькнуло что-то странное. — А сколько тут красивых девчонок... Ты видел? Вон та, с алхимического! И вон та, с чертёжным тубусом! Матвей, мы точно по-

ступили правильно!

Матвей хотел спросить что-то спросить, но передумал, а Глеб уже шёл вперёд. Они двинулись через внутренний двор. Вокруг шумели студенты. Над старым деревом, что росло в углу двора, висели несколько маленьких артефактов-светляков — видимо, оставшихся с прошлого праздника. Они до сих пор мерцали, хотя день был в разгаре.

Глеб шёл быстро, чуть впереди, и говорил почти без остановки — о том, что его отец работает на телеграфе, что он сам три года готовился к поступлению, и что он до сих пор не верит, что прошёл.

— Я на инженерно-техномагический, — сказал он. — А ты?

— Туда же, — ответил Матвей с облегчением.

— Серьёзно? — Глеб удивился такому совпадению. — Значит, вместе будем мучиться. Я слышал, там отсеивают на первом семестре — половина курса.

— Обнадёживает, — неуверенно сказал Матвей.

— Сдюжим! — радостно сообщил Глеб. — Мы обязательно сработаемся.

Главный зал собраний оказался настолько огромным, что Матвей сначала решил, будто ошибся дверью и случайно попал в правительственный дворец.

Высокий купол терялся где-то в полумраке. Вдоль стен поднимались мраморные колонны, между ними висели длинные красные знамёна с символом ХТМ — шестерня,

внутри которой сияла звезда. Сотни студентов уже сидели рядами, и гул голосов эхом расходился под потолком.

Матвей и Глеб сели рядом, ближе к середине зала.

Потом внезапно раздался металлический звон — один удар, чистый и резкий. Все разговоры стихли мгновенно. На сцену поднялся ректор Рудольф Гольденберг.

Матвей сразу понял: это человек власти. Высокий, седой, с идеально прямой осанкой, он двигался так, будто сам воздух должен был расступаться перед ним. На нём был длинный чёрный мундир с серебряными знаками партии и тёмно-красным воротником. Даже свет вокруг него казался более холодным и строгим.

Ректор медленно осмотрел зал. И только после этого заговорил. Голос у него был негромкий — но такой, который невозможно не слушать.

— Студенты Холменградского Техномагического Университета.

Пауза. Кто-то в задних рядах кашлянул — и осёкся, будто подавился.

— Сегодня вы вошли в место, которое определяет будущее не только Холмогории, но и всего Белого Света. Многие из вас считают, что прибыли сюда ради знаний.

Тонкие пальцы легли на кафедру.

— Это ошибка.

По залу пробежал шёпот. Матвей почувствовал, как рядом притих даже Глеб. Он заметил, как по-разному реаги-

руют студенты: один парень в первом ряду подался вперёд с восторгом, девушка слева побледнела и опустила глаза, кто-то сзади хмыкнул с откровенной скукой.

— Знания сами по себе — ничто. Они становятся силой только в руках того, кто знает, как этой силой распорядиться. — Ректор обвёл взглядом зал. — История нашего мира знает слишком много примеров, когда величайшие умы становились величайшей угрозой. Не потому, что они были злы. А потому, что они не понимали последствий.

Он говорил спокойно, почти без эмоций — и именно поэтому его слова звучали так весомо.

— Магия меняла этот мир на протяжении веков. Технологии подчинили себе природу. Но только дисциплина позволила цивилизации выжить. Здесь, в этих стенах, вас научат управлять материей. Но прежде всего — здесь вас научат управлять собой. Своими желаниями. Своими страхами. Своими амбициями.

Ректор сделал паузу и вновь обвёл взглядом притихший зал.

— Вы пришли сюда из разных мест. У вас разное прошлое, разные семьи, разные способности. Но с сегодняшнего дня вы все находитесь в равном положении. Вы — студенты ХТМ. И ваша главная задача — не доказать что-то другим. А понять, на что вы способны на самом деле. И какую цену придётся заплатить за это знание.

Он выдержал паузу и закончил — негромко, но так, что

каждое слово отдавалось под куполом:

— Добро пожаловать в ХТМ.

Тишина. Потом — аплодисменты. Уже не такие жидкие, как раньше, но всё ещё сдержанные. Глеб шумно выдохнул.

— Ну и жуть. По-моему, я только что получил выговор за то, чего ещё не сделал.

Матвей промолчал. Он думал о словах ректора — о том, что знание имеет цену. И о том, что медальон в кармане был тёплым. Не обжигающим, не предупреждающим — просто тёплым. Словно напоминал о себе. «Понять, на что ты способен на самом деле», — повторил про себя Матвей. Он пока не знал, на что способен. Но, кажется, в ХТМ ему предстояло это выяснить.

После собрания студентов начали распределять по корпусам.

— Первый инженерный — на платформы! Энергетики — к южным причалам! Техномагический — не задерживаем проход!

Матвей удивлённо поднял голову.

Вдоль огромного внутреннего канала покачивались длинные транспортные катера. Только вместо воды под ними двигалось голубоватое энергетическое поле — живое, переливающееся, похожее на северное сияние, опущенное на землю. Лодки плавно скользили в воздухе между корпусами университета. Матвей посмотрел вниз и заметил под энергетическим полем старые, проржавевшие рельсы — остатки преж-

ней транспортной системы, которая, видимо, работала здесь до появления катеров.

— Это что... летает? — ошеломлённо спросил Матвей.

Глеб гордо усмехнулся:

— Столица, друг мой. Привыкай. На этих катерах старшекурсники даже гонки устраивают. Правда, потом их ловят и наказывают.

Они забрались в один из катеров. Машина тихо загудела и плавно, без единого рывка, поднялась над каналом. Матвей вцепился в поручень — не от страха, а скорее от ощущения полной нереальности происходящего. Под ними медленно проплывали внутренние дворы, мастерские, библиотечные башни, лаборатории, оранжереи и огромные стеклянные купола, под которыми что-то мерцало и двигалось. Ему вдруг подумалось, что он даже не представляет, чему здесь можно научиться. Это было не похоже на школу. Это было похоже на целый мир, спрятанный внутри другого мира. ХТМ действительно был отдельным городом.

Катер мягко опустился у причала — небольшой платформы, выступающей из стены жилого корпуса. Едва Матвей и Глеб ступили на твёрдую поверхность, как к ним тут же подошла высокая девушка с папкой в руках. Видимо, она ждала здесь с самого утра — встречать первокурсников, прибывающих на катерах, было её обязанностью, и она исполняла её с той строгой деловитостью, с какой исполняют всё, что записано в должностной инструкции.

— Я Зоя Коваль, староста корпуса, — сказала она, не тратя времени на приветствия. — Несколько правил. После отбоя покидать общежитие запрещено. Лабораторные секции ночью закрыты. Доступ на некоторые этажи ограничен.

Она посмотрела вверх очков.

— И самое главное: не пытайтесь обмануть Варвару Матвеевну

— А кто это? — тихо спросил Глеб.

В этот момент за спиной старосты открылась дверь. На пороге появилась маленькая сухая женщина в тёмном платье, с седым пучком на затылке и глазами, которые, казалось, видели всё одновременно — и то, что было, и то, что будет, и то, что ты прямо сейчас пытаешься скрыть. Она медленно подняла голову.

И Матвей внезапно почувствовал себя так, будто совершил преступление, о котором ещё даже не успел подумать.

— Вахтёрша, — шёпотом сказал кто-то рядом.

— Варвара Матвеевна — глаза и уши этого корпуса, — продолжила староста. — И если вас исключат, скорее всего, именно из-за неё.

Варвара Матвеевна ничего не сказала. Только прищурилась — медленно, как кошка, заметившая мышь.

Глеб нервно сглотнул.

— Чего она на меня так уставилась? — прошептал он Матвею.

К вечеру во дворе ХТМ уже начинался праздник посвя-

щения.

Над площадью вспыхнули сотни парящих фонарей — тёплых, жёлтых, живых. Играл механический оркестр: медные трубы, паровые барабаны, странные электрические инструменты, издававшие звуки, похожие на пение невидимых птиц. Студенты смеялись, кричали, знакомились. Старшекурсники снисходительно смотрели на первокурсников, кто-то уже танцевал, кто-то спорил о чём-то до хрипоты.

У фонтана жонглёр в потрёпанной мантии подбрасывал в воздух магические огни — они взлетали, рассыпались искрами и снова собирались в его ладонях. Чуть поодаль девушка с алхимического факультета продавала «счастливые амулеты» — маленькие стеклянные шарики на шнурках. Глеб немедленно купил один и тут же принялся всем рассказывать, что теперь удача точно будет на его стороне.

Матвей стоял у стены, держа в руке кружку с чем-то горячим и пряным — он не знал, что это, но запах был приятным. Он сделал глоток — и у него перехватило дыхание от неожиданно жгучих специй. Он закашлялся, и Глеб, оказавшийся рядом, засмеялся:

— Это жгучий напиток! Его специально так делают, чтобы первокурсники давились! Ты теперь посвящён!

Матвей отдышался, но кружку не отставил. Он смотрел на толпу, и внутри боролись два чувства. Восторг — потому что всё это было невероятно. И одиночество — потому что он никого здесь не знал.

Глеб убежал за добавкой и потерялся где-то в толпе.

Матвей заметил её краем глаза. Девушка с длинными чёрными волосами стояла в стороне от толпы, прислонившись к колонне. Она не танцевала, не смеялась, не участвовала в общем веселье. Просто смотрела на толпу — внимательно, оценивающе, как человек, который привык быть сам по себе. На поясе у неё висели маленькие мешочки — не то с травами, не то с чем-то ещё. Матвей хотел подойти, но не решился. А через секунду её уже заслонили танцующие.

Матвей проводил её взглядом, но в толпе она исчезла — только мелькнули чёрные волосы. Он почему-то запомнил её. Может, потому что она единственная, кто выглядел так же одиноко, как он сам.

Рядом кто-то остановился. Матвей скосил глаза и увидел высокого темноволосого парня в дорогом сером костюме — такие не покупают, а шьют на заказ. Тот смотрел не на Матвея, а на толпу, и молчал. Молчание затягивалось, но не было неловким — скорее задумчивым.

— Тоже не танцуешь? — спросил Матвей, просто чтобы что-то сказать.

— Не любитель, — ответил парень. — А ты, я смотрю, приезжий?

— С чего ты взял?

— Ботинки, — сказал он коротко.

Матвей невольно опустил взгляд на свои ботинки — старые, но крепкие, с отцовской заплаткой на подмётке. Эту за-

платку Мирон поставил месяц назад, перед отъездом. «Чтоб до Холменграда дотянули», — сказал он тогда.

— С Холмогорского хребта, — сказал Матвей.

Парень кивнул — без удивления, без снисхождения, просто принял к сведению.

— Арсений, — представился он.

— Матвей.

— Ты по общей поступал?

— По общей.

Арсений чуть приподнял бровь — не высокомерно, а скорее с интересом.

— Редко кто с периферии по общей проходит. Значит, ты либо очень умный, либо очень упрямый.

— Может, и то и другое.

Арсений хмыкнул — коротко, почти беззвучно.

— Запомни: здесь не любят тех, кто слишком выделяется. Но и тех, кто сливается с толпой, не замечают. Найди середину. Если сможешь.

Он отошёл — не попрощавшись, но и не оборвав разговор резко. Просто человек, который привык быть занятым. Матвей проводил его взглядом. Станный парень, который зачем-то решил поделиться наблюдением. Матвей так и не понял, что это было — предупреждение, проверка или что-то ещё. Но одно он понял точно: здесь, в ХТМ, его происхождение будет иметь значение. Хотел он того или нет.

Он сделал глоток из кружки. Пряный напиток вновь об-

жѐг горло, но в этот раз ему стало теплее. «Ну и пусть, — подумал он. — Я здесь не ради них. Я здесь ради себя». Он сам не до конца верил в эти слова, но они помогали.

Позже, когда стемнело, над площадью началось то, ради чего, кажется, все и собрались.

Высоко над башнями ХТМ начали раскрываться огромные магические конструкции. Сотни светящихся символов поднялись в ночное небо — шестерни из огня, световые птицы, движущиеся руны, созвездия, которых не существовало в природе. А потом прямо над университетом возник гигантский сияющий герб ХТМ — шестерня со звездой, — и толпа взорвалась восторженными криками.

Матвей смотрел на всё это, и где-то внутри него что-то разжималось — медленно, осторожно. Он должен был радоваться. Он понимал это головой.

— Красиво, да? — раздался голос рядом.

Глеб вернулся. В одной руке он держал кружку, в другой — какой-то пирожок.

— Красиво, — кивнул Матвей.

Глеб посмотрел на него, и улыбка на его лице чуть дрогнула.

— Ты в порядке?

— Да. Просто... — Матвей не договорил. — Просто далеко от дома.

Глеб помолчал. Потом кивнул — не энергично, как обычно, а спокойно, понимающе.

— Знаешь, я тоже никого здесь не знаю. — Он помолчал.
— Но мы же поступили. Значит, не зря. Что-то это должно значить?

Матвей посмотрел на него и вдруг почувствовал что-то похожее на благодарность.

— Наверное, это что-то, да значит. — повторил он.

Они возвращались с Глебом через опустевший двор. Фонари ещё горели, но музыка уже стихла. Где-то вдалеке старшекурсники заканчивали свой собственный праздник — слышался смех и звон бокалов. Глеб что-то говорил про завтрашнее расписание, но Матвей не слушал. Он устал. Устал от шума, от лиц, от новых имён, которые уже начали путаться в голове. Ему хотелось тишины.

Ночью, когда корпус затих и даже Варвара Матвеевна, кажется, задремала на своём посту, Матвей лежал на кровати в своей комнате и смотрел в потолок. Окно было приоткрыто, с улицы доносился далёкий гул города, как дыхание огромного зверя.

В другом конце комнаты, на такой же узкой кровати, спал Глеб. Он уснул почти мгновенно — только пробормотал что-то про завтрашнее расписание и затих. Теперь он мерно посапывал, свернувшись калачиком под одеялом. Матвею не спалось.

Он достал из-под подушки медальон. Тот был тёплым. И светился — слабым, едва заметным голубоватым светом. Серебристые линии под матовым стеклом двигались быстрее,

чем в тот день, когда отец впервые показал его.

Матвей смотрел на медальон и думал о словах ректора — о том, что знание имеет цену. О словах Арсения — «найди середину, если сможешь». О словах отца — «пригодится».

Медальон словно реагировал на происходящее вокруг. Живой. Ждущий.

Матвей сунул его обратно под подушку и закрыл глаза. Завтра они с Глебом вместе сядут за парту. Завтра начнётся настоящее. А сегодня — просто ночь. Первая ночь в городе, который знал, что он здесь. И ждал его.

Глава IV

Ведьма и профессор

Первое учебное утро началось с того, что Матвей проснулся от того, что Глеб тряс его за плечо.

— Вставай! Если мы опоздаем в первый день, нас проклянут! Я серьёзно! Тут, говорят, один профессор реально прокликает опоздавших!

Матвей сел на кровати. За окном серое утро Холменграда уже наполнялось движением. Он встал, плеснул в лицо холодной водой из медного умывальника и на секунду замер, глядя в тёмное стекло окна. Оттуда на него смотрел парень в форме ХТМ — новой, ещё пахнувшей фабричной тканью, с шевроном первокурсника на рукаве. Вчера он был сыном фермера. Сегодня — студент самого престижного университета Холмогории.

— Матвей! — Глеб уже стоял у двери, причёсанный, в форме и с выражением человека, который не спал всю ночь.
— Ты там живой?

— Иду. Ты как вообще?

— Я не спал, — сообщил он трагически.

— Почему?

— Потому что кто-то в соседнем блоке решил проветрить комнату и открыл окно. А окно там с магическим доводчи-

ком. Оно захлопнулось. Потом открылось. Потом снова захлопнулось. И так до трёх ночи, пока не пришёл дежурный и не прибил его гвоздём. Обычным. Железным. Магия бес-
сильна.

В коридоре было тихо — даже Варвара Матвеевна, кажется, ещё не начала обход. Они поспешили к восточной башне.

Главная аудитория кафедры прикладной техномагии находилась в старой части университета. Высокие стены из чёрного камня были покрыты тонкими металлическими линиями, внутри которых медленно текла голубая энергия. Двери — массивные, обитые медными полосами, с вращающимся колесом замка — открылись сами, бесшумно и плавно, будто невидимый дворецкий ждал их прибытия.

Аудитория была огромной. Она напоминала одновременно лекционный зал, судебную палату и музей древностей. Полукруглые ряды скамей поднимались ярусами к высокому потолку, и каждый ряд был вырезан из тёмного, почти чёрного дерева, отполированного тысячами студентов, сидевших здесь до Матвея. На спинках кое-где виднелись выцарапанные инициалы, стёртые формулы и чьи-то торопливые записи — следы многих поколений.

Вдоль стен, в стеклянных шкафах, освещённых изнутри мягким голубоватым светом, хранились артефакты. Одни были старыми, покрытыми паутиной, с выцветшими надписями на древнем наречии. Другие — новыми, блестящими, словно их только вчера извлекли из мастерской. Там были

жезлы с кристаллами на концах — одни прозрачные, другие тёмно-красные. Амулеты на цепочках — одни висели неподвижно, другие едва заметно раскачивались, хотя сквозняка в аудитории не было. Свитки в футлярах из тёмной кожи, перевязанные выцветшими лентами. Механическая сфера, составленная из множества медных колец, которые вращались сами по себе, не издавая ни звука.

Под потолком вращались механические модели энергетических контуров — сложные конструкции из медных трубок и светящихся шаров. Они отбрасывали на стены медленные синие тени, и казалось, что аудитория дышит. Пахло старой бумагой, нагретым металлом и ещё чем-то — едва уловимым, похожим на запах грозы.

Но главным был человек у кафедры.

Высокий, сухой, с седыми волосами, собранными в длинный хвост. Спина прямая. Манжеты тёмно-серого сюртука застёгнуты на все пуговицы, воротник подпирает подбородок. Ни одной лишней складки. Ни одной лишней эмоции. Профессор Казимир Кронов.

Он молча дождался, пока все займут места. Тишина повисла такая, что Матвей слышал, как Глеб рядом с ним нервно сглотнул.

— Вы больше не школьники, — произнёс Кронов. Голос у него был негромкий, но в абсолютной тишине аудитории каждое слово звучало так, будто его зачитывали с приговора. — Вы — студенты Холменградского Техномагического

Университета. В этих стенах учились те, кто создавал историю. Те, кто открывал законы материи. Те, кто менял мир. — Он обвёл аудиторию долгим взглядом. — Глядя на вас, я не вижу никого, кто мог бы повторить их путь. Возможно, я ошибаюсь. Но опыт подсказывает мне, — что большинство из вас, оказавшись в этих стенах, сочтёт себя уже достигшими цели, тогда как на самом деле вы лишь подошли к подножию горы, вершину которой вам ещё предстоит увидеть. Ваше поколение воспитано на готовых ответах. Здесь вам придётся пройти путь, где не всегда есть правильные решения — только выбор и его последствия. И далеко не все с этим справятся.

На длинном столе перед ним лежали пять артефактов. Кольцо из тёмного серебра — по его ободку бежали крошечные руны, и оно слабо светилось в полумраке. Магическая палочка — простая, без украшений, но с кончика то и дело срывались едва заметные искры. Медный котелок с рунами — от него исходил лёгкий травяной запах, и внутренняя поверхность была покрыта тёмным налётом от сотен сваренных зелий. Око спектра — стеклянная линза в оправе из потемневшей меди. И зеркальце — маленькое, в серебряной раме, которое ничего не отражало, хотя свет падал прямо на него.

— Кто-нибудь объяснит мне, что перед вами?

С задних рядов раздался голос:

— Артефакты!

— Фамилия! — отрезал Кронов.

Парень растерялся.

— Что?

— Когда вы обращаетесь ко мне, студент, вы сначала представляетесь.

— Бурцев, Миодраг Бурцев...

— Прекрасно, студент Бурцев. Итак. Что за артефакты?

Тишина. Бурцев, кажется, забыл, как дышать.

Потом поднялась рука. Девушка с чёрными волосами и внимательными серыми глазами — та самая, что стояла в стороне на посвящении. Матвей узнал её сразу. Ярина.

Кронов сухо кивнул.

— Это самые обычные магические артефакты, — сказала она спокойно. — Кольцо собирает магию в пучок. Палочка помогает направить её точно в цель. Котелок варят зелья. Око спектра показывает невидимые частицы и их цвет. А зеркальце видит то, что спрятано.

Кронов несколько секунд смотрел на неё.

— Любопытно, — произнёс он. — Ответ получен от ведьмы.

Ярина не отвела взгляд.

— Ведьмы, профессор, изучали материю задолго до того, как появились магические университеты. Это древнее искусство. Нам есть что сказать.

Кронов посмотрел на неё долгим взглядом.

— Эта дерзость, — Кронов сделал небольшую паузу, и в

тишине она прозвучала грознее любого крика, — кому-то может показаться смелостью. Приличное общество называет это глупостью. Я называю это отсутствием дисциплины. Что не удивительно. Садитесь.

Ярина села. Матвей заметил, как она сжала край стола, что аж костяшки побелели.

А потом Кронов повернулся к нему.

— Вы. Встаньте.

Матвей медленно поднялся.

— Студент Евсеев, насколько я понимаю. Из аграрного региона. Ответьте: какой тип энергетического контура используется в стандартной сеялке марки ХМЗ?

В аудитории стало очень тихо. Матвей знал сеялку. Он знал, как звучит четвёртый цилиндр перед поломкой и как пахнет охлаждающая жидкость, когда шланг лопается. Но он не знал, как это называется на языке науки. На языке Кронова.

— Я не знаю термина.

— Термина, — повторил Кронов. — Вы чинили эту машину?

— Да.

— И вы не знаете, какой контур приводит её в движение?

— Я знаю, как он работает. Я не знаю, как он называется.

По аудитории прошёл шорох. Кронов медленно покачал головой — без насмешки, но с убийственным равнодушием.

— Студент Евсеев за первые пять минут занятия проде-

монстрировал разрыв между практическим опытом и теоретической подготовкой. Этот разрыв может быть преодолён. А может и нет.

Матвей стоял, чувствуя, как горят щёки. Кронов уже отвернулся, даже не приказал ему сесть.

И тут раздался голос.

— Профессор, — Ярина поднялась с места, — он знает машину. Просто не знает, как она называется в учебниках. Может быть, дать ему ещё минуту?

Кронов замер. Медленно повернул голову. Тишина в аудитории стала такой, что Матвей слышал, как под потолком вращаются механические модели контуров — тихий, ритмичный скрип, похожий на дыхание.

— Вы хотите помочь однокурснику, — произнёс Кронов. Голос его звучал почти мягко. — Что ж. Но помощь бывает разной. Иногда она уместна. А иногда — выдаёт незнание своего места.

— Я просто спросила, — ответила Ярина.

— Вы просто спросили, — повторил Кронов. Он подошёл ближе — не угрожающе, а так, как подходят к экспонату, который вызвал лёгкое любопытство. — Студентка Ярина. Ведьма. Это многое объясняет.

— Что именно?

— Ваше неумение ждать. Ваша уверенность в том, что правила существуют для других. — Он говорил спокойно, без нажима, будто перечислял наблюдения в лабораторном

журнале. — Вы, кажется, полагаете, что здесь, в ХТМ, вам достаточно быть способной — и вас примут.

Ярина побледнела, но не опустила глаз.

— Боюсь, — продолжал Кронов, — мир устроен несколько сложнее. И чем раньше вы это поймёте, тем меньше разочарований вас ждёт. А теперь сядьте.

— Вы попали сюда по квоте, — продолжал Кронов. — По милости реформы, которая решила, что каждый цветок имеет право расти в университетском саду. Но я не садовник. Я — профессор. И в моей аудитории цветы, которые не выдерживают нагрузки, выпалываются. Вы поняли меня?

— Да, — сказала она сквозь зубы.

— Тогда собирайте вещи и покиньте аудиторию.

— Что?

— Вы ослушались прямого указания. Вы сорвали занятие. Вы позволили себе недопустимый тон в разговоре с преподавателем. Вон.

Ярина стояла неподвижно. Матвей видел, как дрожат её пальцы. Потом она медленно собрала сумку — одну секунду, другую, третью — и пошла к выходу. Дверь закрылась.

Матвей рванулся было следом, но голос Кронова ударил его, как хлыстом:

— Евсеев.

Он замер.

— Если вы сделаете ещё один шаг к этой двери, — произнёс профессор, не повышая голоса, — ваша учёба в ХТМ

будет очень, очень непродолжительной. Садитесь.

Матвей стоял. Сердце колотилось. Перед глазами стояло лицо Ярины. Он мог уйти. Дверь была рядом. Но тогда — что? Отчисление? Возвращение домой с позором? Отец, который сжал ему плечо на станции?

Он сел. Это было трудно, но нужно было подчиниться.

Оставшуюся часть пары Матвей провёл в состоянии, которое трудно назвать восприимчивым. Слова профессора долетали до него, как звуки с улицы долетают до больного, лежащего в лихорадке, — приглушённо, искажённо, лишённые смысла. Взгляд его был прикован к опустевшему месту Ярины.

После лекции он вышел из аудитории, ничего не видя перед собой. Глеб догнал его в коридоре.

— Матвей! Матвей, постой!

— Что? — он обернулся, и Глеб осёкся, увидев его лицо.

— Ты... в порядке?

— Нет, — сказал Матвей. — Не в порядке. Она за меня заступилась, а я...

Он осёкся, не договорив. Глеб молчал, давая ему время.

— Так по-дурачки всё вышло, — сказал Матвей наконец.

— Кронов бы меня вышвырнул, и я это понимаю. Но она-то... А я сидел и смотрел, как она выходит. И ничего не сделал.

— А что ты мог сделать? — спросил Глеб тихо.

— Не знаю. Хоть что-то.

Глеб вздохнул и сел рядом с ним прямо на пол. Некоторое время они молчали.

— Ты можешь её найти, — сказал Глеб. — Поговорить. Не оправдываться — просто объяснить.

— Что объяснить? Мне самому себе противно.

— Знаешь, — сказал Глеб, — если бы ты тогда встал и ушёл за ней, Кронов бы сожрал вас обоих. А так ты остался. И она это видела. Она понимает, почему ты не пошёл. Поговори с ней — и всё встанет на места.

Матвей долго молчал. Потом кивнул.

— Где мне её найти?

— Можешь не сомневаться, вы ещё не раз пересечётесь!

Глеб поднялся и протянул ему руку. Матвей принял её.

— То, что Кронов говорил про ведьм... — добавил Матвей. — Что он имел в виду?

— То, что происхождение здесь имеет значение, — сказал Глеб.

К тому времени, когда они вышли из аудитории, обед уже начался, и Матвей с Глебом, не сговариваясь, направились туда, куда текли потоки студентов — в столовую. После того, что случилось на паре у Кронова, Матвею больше всего на свете хотелось оказаться в месте, где от него ничего не ждут. Где не нужно отвечать на вопросы, которых он сам себе ещё не задал, и где можно просто сидеть, пока мир вокруг гудит своей обычной жизнью. Столовая подходила для этого как

нельзя лучше.

Столовая подходила для этого как нельзя лучше.

Она находилась в центральном корпусе. Это был огромный зал с высокими сводчатыми окнами, сквозь которые лился холодный осенний свет. Вдоль стен тянулись длинные деревянные столы. Над каждым столом, на медных цепях, висели светильники — не магические, а простые, с настоящими свечами, которые, однако, никогда не оплывали. Говорили, что их заколдовали ещё при прошлом ректоре.

В центре зала, на возвышении, располагалась раздаточная — длинная медная стойка, за которой сустились повара в белых колпаках. Но настоящее чудо находилось за ними: огромная механическая печь. Она была собрана из медных листов и чугунных решёток, и внутри неё, за стеклянной дверцей, вращались вертела с мясом, поднимались и опускались противни с пирогами, а сбоку, из множества краников, в подставленные кружки лился горячий чай. Печь тихо гудела и пощёлкивала, как живое существо, и от неё по всему залу разносился запах свежей выпечки и пряностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.